

А. Н. ШВАРЦЪ

à propos

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЛКОВАНИИ

d'un buste antique inédit

ОДНОГО НЕИЗДАННАГО АНТИЧНАГО БЮСТА

de la collection du comte A. S. Ouzaroff.

ИЗЪ СОБРАНІЯ ГРАФА А. С. УВАРОВА

(ИЗЪ XII ТОМА „ДРЕВНОСТЕЙ“).

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1888.

А. Н. ШВАРЦЪ

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЛКОВАНИИ
ОДНОГО НЕИЗДАННАГО АНТИЧНАГО БЮСТА

ИЗЪ СОБРАНІЯ ГРАФА А. С. УВАРОВА

(ИЗЪ XII ТОМА „ДРЕВНОСТЕЙ“).

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонова и К^о. Леонтьевскій пер., № 5.

1888.

Дозволено цензурою. Москва, 15 іюля 1888 года.

Къ вопросу объ истолкованіи одного неизданнаго античнаго бюста изъ собранія графа А. С. Уварова.

(См. приложенную таблицу).

Благодаря любезному вниманію со стороны достоуважаемой Председательницы Московскаго Археологическаго Общества, мнѣ дана была возможность ближе ознакомиться съ однимъ весьма любопытнымъ памятникомъ древности, хранящимся въ имѣніи графовъ Уваровыхъ, столь знаменитомъ Порѣчьѣ. Объ этомъ памятникѣ я и позволяю себѣ предложить нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что какихъ-либо точныхъ данныхъ касательно происхожденія памятника у насъ не имѣется: извѣстно только, что онъ былъ вывезенъ основателемъ Порѣцкаго музея, графомъ С. С. Уваровымъ изъ Италіи и, по воспоминаніямъ, считается найденнымъ при раскопкахъ графа въ Помпеяхъ, въ такъ называемомъ домѣ Императора Николая, т. е. въ жилищѣ, въ древности принадлежавшемъ частному лицу ¹⁾. Какихъ-либо свѣдѣній о мѣстѣ помѣщенія памятника и объ окружавшей его въ древности обстановкѣ не сохранилось. Съ памятника уже прежде имѣлись фотографіи, но изданъ онъ съ объясненіями до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не былъ.

По внѣшнему виду памятникъ представляетъ бронзовый бюстъ, ста-

---

¹⁾ См. объ этомъ обозначенія древнихъ домовъ въ Помпеяхъ у Overbeck: Pompeji in seinen Gebäuden, Alterthümern und Kunstwerke für Kunst- und Alterthumsfreunde, 3-te Auflage, Leipzig, Engelmann, 1875, S. 236.

рательной римской работы ²⁾), довольно значительныхъ размѣровъ (около 0,41 м. высоты) и во общемъ прекрасной сохранности. Слѣдовъ подновленія отдѣльныхъ чертъ лица незамѣтно; незамѣтно ихъ и на слегка попорченномъ вѣнцѣ, украшающемъ голову изображеннаго бога, равно какъ и въ неправильно обломанной нижней части памятника. Какова была подставка, для которой первоначально предназначался бюстъ, сказать трудно; но мысль о помѣщеніи его на гермъ ³⁾ не должна быть принципиально исключается.

Что затѣмъ касается истолкованія образа, предносившагося уму работавшаго бюстъ художника, то сомнѣнія тутъ, если принимать во вниманіе черты лица изображеннаго бога, врядъ-ли возможны. И по манерѣ, которой держится художникъ при обработкѣ волосъ, отдѣльныя пряди которыхъ значительно приподняты надъ лбомъ ⁴⁾, и по способу, коимъ изваяны лобъ бюста и его рѣзко выдающаяся нижняя половина или довольно сухія щеки, обрамленныя тщательно отдѣланной и характеристически расположенной бородой, — по всѣмъ этимъ признакамъ мы можемъ, мнѣ кажется, безошибочно утверждать, что въ основу изображенія положено то представленіе о греческомъ Зевсѣ, которое окончательно сложилось у художниковъ въ такъ называемую гелленистическую эпоху греческой исторіи и лучшей передачей котораго обыкновенно считается извѣстная маска этого бога, происходящая изъ Отриколи, худшими же — тѣ разнообразныя пластическіе образы позднѣйшаго греческаго Зевса и римскаго Юпитера, которыми такъ обильно снабжены всѣ извѣстные музеи Европы. Не удивительно, поэтому, если и покойный графъ А. С. Уваровъ, хорошо знакомый съ произведеніями классическаго искусства, не колебался, какъ мы слышимъ, видѣть въ этомъ бюствѣ изображеніе именно Зевса.

Причина, которая можетъ заставить археологовъ усомниться въ правильности наименованія нашего бюста и затрудниться въ опредѣленіи божества, съ которымъ мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло, заключается главнымъ образомъ въ вѣнцѣ, украшающемъ, какъ я сказалъ, голову бога ⁵⁾.

²⁾ По вопросу о происхожденіи художественныхъ предметовъ Помпей и въ частности о работѣ пластическихъ изображеній см. Overbeck, *ibidem*, S. 494 fgg. Ср. тамъ же и стр. 474 (о патинѣ).

³⁾ О разнообразныхъ видахъ гермъ въ Помпеяхъ и о частой встрѣчѣ ихъ особенно въ божницахъ частныхъ жилищъ см. Overbeck *ibidem*, S. 475 fgg.

⁴⁾ Ср. Overbeck, *Griechische Kunstmythologie*, 1-й Band: Zeus, 1871, S. 71.

⁵⁾ Покойный сочленъ нашъ С. А. Усовъ, напр., думалъ находить здѣсь изображеніе Посидона, какъ бога-покровителя семейскихъ игръ, гдѣ побѣдители получали въ награду вѣнокъ изъ сосновыхъ вѣтвей. Считаю однако нужнымъ прибавить, что С. А.-чу извѣстенъ былъ бюстъ только по фотографіи, далеко не передающей общаго впечатлѣнія памятника.

Тщательность, съ которой передалъ художникъ особенность растенія, изъ котораго сдѣланъ этотъ вѣнокъ, не оставляетъ сомнѣнїя въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ хвоею и шишками такъ называемой пинїи (*pinus picea* L.), у грековъ безразлично обозначавшейся названїями *πίτος* и *πεύκη* ⁶⁾. И Грекамъ и Италикамъ впрочемъ извѣстны были различные виды этого растенія. Одинъ изъ нихъ, такъ называемая *πεύκη ἤμερος* или *πεύκη ἡ κωνοφόρος*, былъ у нихъ любимѣйшимъ украшенїемъ садовъ и виноградниковъ ⁷⁾; другой, извѣстный подъ названїемъ *πεύκη ἡ παραλίαις*, образовывалъ во многихъ мѣстахъ густые лѣса, въ родѣ пользовавшихся до позднѣйшаго времени большой извѣстностью *pineta* (сосновыя рощи) Равенны. Какъ и другія растенія, такъ и оба эти вида пинїи посвящены были по преимуществу извѣстнымъ только божествамъ и въ виду важности, которую имѣютъ вѣнки изъ соответствующихъ растеній, помѣщаемые на головахъ статуй, при толкованїи нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ изъ древности типовъ божествъ; въ виду того, что ни въ культѣ Зевса, ни среди обыкновенно придаваемыхъ ему атрибутовъ означенное растеніе не упоминается древними, понятно, что колебаніе въ опредѣленїи изображеннаго здѣсь бога вполне уместно. Въ виду же того, что многія характеристическія черты Зевса переносятся и на другіе, близкіе къ нему по чему-либо образы, вполне естественной можетъ казаться попытка отыскивать для нашего бюста и другое наименованіе.

Спѣшя прибавить, что, съ перваго взгляда, весьма многія сообщенїя говорятъ, повидимому, очень рѣшительно въ пользу такого мнѣнїя.

Дѣйствительно, обходя роль, которую сосна и пинїя играли въ культурахъ восточнаго происхожденїя и отголоски которой только отчасти встрѣчаются на чисто-греческой почвѣ ⁸⁾, мы должны сказать, что, въ качествѣ священнаго растенія, среди мужскихъ божествъ оба растенія у классическихъ народовъ встрѣчаются какъ постоянный атрибутъ у греческаго Пана и римскихъ лѣсныхъ божествъ, затѣмъ часто попадаются они въ качествѣ атрибута въ культѣ Діониса и различныхъ

⁶⁾ Theophr. Hist. plant. 3, 9, 4 прямо утверждаетъ, что подобная разница въ наименованїи исключительно обуславливалось мѣстностью, такъ какъ то растеніе, которое онъ, Теофрастъ, называетъ *πεύκη* у Аркадянъ, напр., носитъ названїе *πίτος*.

⁷⁾ См. Verg. Eclog. 7, 65:

Fraxinus in silvis pulcherrima, pinus in hortis.

Populus in fluviis, abies in montibus altis.

Ср. Ovid. Art. Am. 3, 687 и Petron. Sat. 13. Больше подробныя свѣдѣнїя о распространенїи пинїи у древнихъ см. въ извѣстномъ сочиненїи Hahn'a: *Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang aus Asien in Griechenland und Italien*, 3 Auflage, 1877, S. 258 fgg.

⁸⁾ Ср. Hartung: *Religion und Mythologie der Griechen*, Bd. IV, S. 33, и особенно S. 42.

лицъ его пестрой свиты ⁹⁾ и, наконецъ, спорадически упоминаются оии и въ культахъ Посидона и Асклепιά ¹⁰⁾.

Причины, по которымъ пинія посвящена была всѣмъ этимъ столь различнымъ божествамъ, не всегда ясно указываются древними. Наиболѣе понятно, конечно, появленіе ея среди атрибутовъ божествъ, покровителей лѣсовъ. Что касается Посидона, то ему пинія и именно *πέδιχη παραλία* была посвящена, какъ богу, подателю влаги, и въ силу этого пособнику всякой растительности (*Φυτάλιος*), а отчасти, быть можетъ и потому, что сосна доставляла по преимуществу матеріалъ для постройки кораблей ¹¹⁾ и что на исемійскихъ играхъ принято было выдавать въ награду побѣдителямъ на состязаніяхъ сосновый вѣнокъ ¹²⁾. По поводу Асклепιά можно предполагать, что пинія, въ частности *πέδιχη ἡμερος*, встрѣчается въ его культѣ на томъ основаніи, что зернамъ ея шишекъ, такъ называемымъ пиніолямъ, приписывалась цѣлебная сила, отчего, напр., пинія считалась деревомъ, особенно дорогимъ супругѣ Асклепιά Эпіонѣ (*Ἐπιόνη*) ¹³⁾ и самъ Асклепій могъ тоже являться съ вѣнкомъ изъ вѣтвей этого растенія или съ шишкой его въ рукахъ ¹⁴⁾. Наконецъ относительно Діовиса извѣстно, что пинія является ему посвященной опять таки какъ покровителю растительности (*Δ. Δενδρίτης*), въ какомъ качествѣ древніе часто отождествляли его съ Посидономъ *Φυτάλιος* ¹⁵⁾, а съ другой стороны и вслѣдствіе ночныхъ его священнодѣйствій, при которыхъ свѣтъ факеловъ, дѣлавшихся изъ сосновогo дерева, игралъ особую роль ¹⁶⁾.

⁹⁾ Изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ встрѣчи подобнаго вѣнка въ культѣ Діониса указываю статью Сатира Британскаго Музея (Thompson, Photographs of the British Museum, plate 860) и бюстъ сатирикса въ Вьенѣ (Sacken, Antike Bildwerke in Wien, Tafel VI).

¹⁰⁾ О бюстахъ Асклепιά, украшенныхъ вѣнкомъ изъ пиніи, см. предположеніи Фридриха (Friedrichs: Berlin's antike Bildwerke II, kleinere Kunst und Industrie N. 1846, b) Ср. Roscher, Lexikon der griech. u. röm. Mythologie, S. 628.

¹¹⁾ Strab. VIII, p. 380 (Mein.); Paus. 2, 1, 4 ε ρ.

¹²⁾ Ср. Böttiger, Kunstmythologie. II, p. 332 и его же Amalthea, II, S. 294. Какъ покровитель исемійскихъ игръ Посидонъ (*Ποσειδῶν Ἰσημιος*) могъ, конечно, и самъ вѣнчаться сосновымъ вѣнкомъ.

¹³⁾ Особенно это вѣрованіе распространено было въ Эпидаврѣ (Welcker, Griechische Götterlehre. II Bd., S. 739, Anm. 20).

¹⁴⁾ См. выше прим. 10 и Paus. 2, 10, 3. Быть можетъ на выборъ растенія вліялъ и эпитетъ *ἡμερος*, постоянно придаваемый Асклепію. Pind. Epin. 3, 6 называетъ его *τέχτονα νοδονιᾶν ἡμερον*.

¹⁵⁾ См. Plut. Symp. 5, 3, 1: Καὶ Ποσειδῶνι γε Φυτάλιος Διονύσῳ δὲ Δενδρίτη πάντες ὡς ἔπος εἰπεῖν Ἑλλήνες θύουσιν. Въ означенномъ мѣстѣ Плутархъ сближаетъ оба божества, какъ представителей влажнаго и живительнаго начала въ природѣ.

¹⁶⁾ Имѣлась, по всей вѣроятности, въ виду очистительная свѣа этихъ факеловъ (Welcker, Griech. Götterlehre II, 642). Могла имѣть при такомъ посвященіи пиніи Діонисеу значеніе и роль, которую она играетъ въ мифѣ о Пенеев (O. Jahn, Pentheus und die Mänaden. 1841).

Каковы бы, впрочемъ, ни были причины, по которымъ пинія считалась священнымъ деревомъ всѣхъ этихъ столь различныхъ божествъ и какъ ни слабы заключенія, но которыя уполномочиваютъ насъ въ этомъ отношеніи сохранившіеся памятники искусства монументальнаго, во всякомъ случаѣ полное отсутствіе пиніи въ культѣ Зевса является достаточно выясненнымъ изъ этого сопоставленія. Съ другой стороны въ связи съ этимъ фактомъ любопытно будетъ отмѣтить и то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ пинія является принадлежностью какъ разъ такого рода божествъ, которыя въ образномъ искусствѣ Грековъ и Италиковъ чаще всего представляются съ типами, составляющими какъ-бы переработку установленнаго искусствомъ каноническаго изображенія Зевса или Юпитера.

Что касается позднѣйшихъ греческихъ изображеній Посидона, Асклепія и даже Діониса—то родство ихъ съ первоначально Зевсу принадлежащимъ типомъ уже давно отмѣчено было археологіей и случаи, въ которыхъ только самая внимательная экзегеза позволяетъ отличить имѣющееся въ виду божество, хорошо извѣстны всѣмъ изслѣдователямъ художественной миѳологіи¹⁷⁾.

Труднѣе, казалось, можно было бы допустить мысль о перенесеніи чертъ лица Зевса на божества лѣсныхъ, изображенія которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ Греціи, имѣли въ виду по большей части передачу такихъ свойствъ ихъ, которыя всегда выдѣляли эти божества въ рѣзко обособленную группу. Наблюденія однако, опубликованныя сначала Гельбигомъ въ *Bulletino* нѣмецкаго археологическаго Общества въ Римѣ за 1864 г. (стр. 173), а затѣмъ и сопоставленіе цѣлой серіи памятниковъ проф. Рейфшершейдомъ въ *Annali* того-же общества за 1876 годъ¹⁸⁾ до очевидности показали, что на римской почвѣ такое перенесеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ точно также сдѣлалось возможнымъ. По крайней мѣрѣ среди сохранившихся изображеній Сильвана и Фавна, божествъ родственныхъ греческому Пану и въ большинствѣ случаевъ сохраняющихъ въ пластикѣ характеристическія черты этого послѣдняго, время отъ времени попадаются и такія изваянія, въ основѣ которыхъ несомнѣнно лежитъ каноническій типъ Зевса.

Кромѣ того Welcker, *Griech. Götterlehre* II, 607, прим. 100 указываетъ, мимоходомъ, на обычай подыскивать смолу сосны въ вино и класть въ бочки съ виномъ, какъ то и сейчасъ дѣлается на югѣ, шипши пиніи. О внесеніи пиніи въ число атрибутовъ греческаго Діониса изъ культа фригійскаго Атиса строитъ предположенія Maury, *Histoire des religions de la Grèce antique*, III vol. p. 102, n. 8.

¹⁷⁾ Во избѣжаніе подробныхъ цитатъ отсылаю по этому поводу читателей къ сочиненію Овербека: *Griechische Kunstmythologie*, I Bd.: Zens. Leipzig, Engelmann's Verlag, 1871.

¹⁸⁾ См. *Annali all' Instituto di corr. arch.* Volume XXVIII, p. 210 sgg. въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Sulle imagine del Dio Silvano e del Dio Fauno* и *ibid.* tav. d'agg. I, K, L, M и N.

И объясненіе подобнаго страннаго смѣшенія типовъ находится, по-видимому, очень просто.

Подобно тому, какъ на греческой почвѣ образы вышеозначенныхъ божествъ являются переработанными изображеніями Зевса въ слугѣхъ присущихъ каждому изъ нихъ свойствъ, которыя ближе всего роднятъ ихъ съ этимъ послѣднимъ (*Προσευχών Φυλάκιμος* и *Λύοντος Δευδρίτης*; напр., родственны Зевсу *Ζεός*, онъ же *Ἐυδενδρός*; Асклепій *Ἴμπερος* всегда отождествляется съ той разновидностью Зевса, которая носитъ названіе Мейлихія)—такъ точно и на римской почвѣ, какъ справедливо заключаетъ проф. Рейффершейдъ, такое сближеніе типовъ лѣсныхъ божествъ съ извѣстными Италикамъ изъ греческаго искусства типомъ Зевса происходитъ, конечно, не случайно, но по причинѣ той царственной природы, которая признавалась за этими божествами и которая роднила ихъ съ царственной же природой Зевса ¹⁹⁾).

При первомъ взглядѣ, слѣдовательно, на нашъ бюстъ очень многое, какъ я замѣтилъ, можетъ говорить въ пользу того мнѣнія, по которому и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подобнымъ перенесеніемъ чертъ лица Зевса на одинъ изъ родственныхъ ему образовъ, при чемъ вѣнокъ изъ пиній служить только характеристическимъ атрибутомъ, позволяющимъ зрителю уяснить себѣ, что именно одно изъ таковыхъ второстепенныхъ божествъ и имѣлъ въ виду изобразить въ немъ художникъ.

При болѣе внимательномъ однако пересмотрѣ относящихся сюда памятниковъ древности, быть можетъ, представится возможность и усомниться въ справедливости указываемыхъ для экзегезы нашего бюста оснований, а, слѣдовательно, дать и иное разрѣшеніе занимающему насъ вопросу.

Такъ, чтобы начать съ близости, которая несомнѣнно въ пластическомъ искусствѣ существуетъ между типами указанныхъ сейчасъ божествъ съ типомъ Зевса, нельзя не замѣтить, что близость эта никогда не доходила до полнаго ихъ отождествленія и что, какъ ни сходны были между собой ихъ изображенія, даже въ сравнительно очень позднія эпохи римскаго искусства художники всегда находятъ у себя въ распоряженіи многочисленныя средства такъ или иначе, разнообразной отдѣлкой подробностей, хотя бы только намекнуть зрителю о той разновидности типа, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣется ими въ виду. Замѣчанія, предложенныя теперь въ сочиненіи Овербека

¹⁹⁾ Нѣкоторыя параллели такому сближенію Зевса съ божествами лѣснаго характера можно на греческой почвѣ встрѣтить, какъ кажется, въ Аркадіи, гдѣ на монетахъ Панъ соединяется съ Зевсомъ и гдѣ на одной надписи (*C. I. Gr. 4538; Kaibel Epigr. Gr. 827*) Зевсъ носитъ характеристическое названіе *Δίπρυ*. См. *Welcker, Griech. Götterlehre II, S. 214* и 654.

объ иконографіи Зевса по поводу такъ называемаго Асклепія съ острова Мелоса; его соображенія на счетъ особенностей въ обработкѣ ликовъ Зевса и Посидона при разборѣ одного изображенія, принадлежащаго Маркизу Lansdowne въ Лондонѣ или его же наблюденія надъ смѣшеніемъ типовъ опять таки Зевса и Діониса по случаю бюста, перешедшаго изъ сообранія герцога St. Albans въ Британскій Музей ²⁰⁾—избавляютъ меня отъ необходимости подробно останавливаться на признакахъ, въ которыхъ проявлялось это сходство въ обработкѣ отдѣльных чертъ лица и на тѣхъ особенностяхъ, которыя всегда даютъ намъ возможность съ бѣльшей или меньшей степенью вѣроятности высказываться при толкованіи спорныхъ божествъ, въ пользу приуроченія ихъ къ тому или другому изъ названныхъ божествъ. Съ своей стороны, въ дополненіе къ труду Овербека, я позволю себѣ обратить вниманіе еще только на то, что и въ памятникахъ, сопоставленныхъ Рейффершейдомъ, есть не мало такихъ признаковъ, которые сразу показываютъ намъ, съ кѣмъ имѣемъ мы въ нихъ дѣло. Даже оставляя въ сторонѣ рядъ второстепенныхъ атрибутовъ, которые всегда ближе поясняютъ намъ характеръ изображаемаго бога, самая грубость этихъ образовъ врядъ-ли должна быть отнесена къ неумѣлости работавшихъ ихъ художниковъ; но она такъ же, какъ и простодушіе и чувственность, которыми часто запечатлѣны эти изображенія, по всей вѣроятности, мотивирована природою лѣсныхъ божествъ, которая должна быть ближе приведена къ нашему сознанию. Въ этомъ отношеніи нашъ бюстъ рѣзко отличается отъ всѣхъ указанныхъ мной изображеній. Совокупность особенностей въ обработкѣ волосъ и лба изваяннаго здѣсь бога, выраженіе, приданное лицу его, главнымъ образомъ, очертаніями глазъ, смотрящимъ несомнѣнно вверхъ, равно какъ и благородство всего образа ²¹⁾—исключаетъ возможность, при ближайшемъ изученіи бюста, высказываться въ пользу иныхъ, кромѣ Зевса, наименованій. Напротивъ, все ведетъ къ несомнѣнному заключенію о томъ, что изображенъ здѣсь никто иной, какъ верховный богъ греческаго или италійскаго Олимпа въ одной изъ многочисленныхъ его разновидностей.

По сравненію съ этими характеристическими признаками странный атрибутъ, помѣщенный на головѣ бога, къ объясненію котораго я за-

---

²⁰⁾ Overbeck, Griechische Kunstmythologie I, pp. 88, 79, 229 и т. д. и любопытныя замѣтки о типахъ Асклепія и Зевса Мейлліа по поводу одной статуи въ Помпеяхъ въ его же *Reimpreji etc.* S. 90 fg.

²¹⁾ См. по этому поводу различныя указанія въ неоднократно цитованномъ сочиненіи Овербека, S. 80 fgg. 85 fg., 87 и т. д., гдѣ ясно указаны эти особенности бюстовъ Зевса, отличающія ихъ отъ родственныхъ изображеній Посидона, Асклепія и Діониса. Ср. и Roscher Lexikon d. griech. u. röm. Mythologie, наир., стр. 1113 противъ P. Gardner, the types of greek coins, plate 9, 4.

тѣмъ обращаюсь, далеко не имѣеть въ моихъ глазахъ того значенія, которое, повидимому, можно было бы въ немъ усматривать, имѣй мы дѣло, напр., съ произведеніемъ искусства болѣе ранняго времени.

Впрочемъ, какъ намъ извѣстно въ настоящее время съ достаточной достовѣрностью, перенесеніе на нѣкоторыя разновидности Зевса, чтобы не говорить пока о другихъ божествахъ, атрибутовъ, обыкновенно ему несвойственныхъ, даже и въ сравнительно раннюю эпоху не составляетъ особой рѣдкости. Въ весьма любопытномъ изображеніи Зевса-Филия (Φίλιος), которое изваяно было Поликлетомъ Младшимъ, хранилось въ аркадскомъ Мегалополисѣ и обстоятельно описано намъ Павсаніемъ²²⁾—мы имѣемъ, напр., образчикъ такого смѣшенія атрибутовъ даже изъ эпохи такъ называемаго втораго процвѣтанія аттическаго искусства. Говори именно о статуѣ этого бога, созданной вышеназваннымъ художникомъ, Павсаній утверждаетъ, что касательно атрибутовъ Зевсъ этотъ изваянь былъ вполне сходно съ Діонисомъ (Διονύσῳ ἐμφερέεζι), такъ какъ вмѣсто обычно придаваемыхъ статуямъ Зевса сандалій, на ноги его надѣтъ были котурны и въ одной рукѣ была чаша, въ другой—тирсъ (καθ' ὅραυτο τε γὰρ τὰ ὑποδήματα αὐτῷ καὶ ἔχει τῇ χειρὶ ἔκπομα τῆ τε ἐτέρᾳ θύρσῳ). Правда, какъ показываетъ далѣе въ своемъ описаніи Павсаній, на тирсѣ этомъ помѣщенъ былъ художникомъ орелъ (κάθηται δὲ ἀετός ἐπὶ τῷ θύρσῳ), что не согласно, по его мнѣнію, съ остальными сказаніями о Діонисѣ (τοὺς γὰρ εἰς Διονύσιον λεγόμενους τοῦτο οὐκ ὀμολογοῦν ἔστιν); съ другой стороны, какъ мы рѣшаемся теперь судить по родственнымъ изображеніямъ молодаго Зевса, характеристическія черты лица и убранства волосъ, по всей вѣроятности, съ самаго начала устраняли сомнѣнія въ толкованіи имѣвшагося въ виду образа; но, не будь ихъ, очевидно сходство большинства атрибутовъ было настолько велико, что сами древніе не могли не обратить на это обстоятельство особаго вниманія²³⁾.

Въ эпоху такъ называемаго гелленизма намъ приходится наблюдать подобныя явленія еще чаще.

При извѣстной бѣдности, которой въ общемъ отличается творческая фаптазія Грековъ Македонской эпохи и при несомнѣнномъ вліяніи, которое оказали на нихъ вновь заинтересовавшія ихъ религиозныя представленія Востока, мысль ихъ особенно дѣятельно работаетъ въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны замѣчается перенесеніе на древне-греческія божества такихъ чертъ божествъ восточныхъ, въ которыхъ, по мнѣнію художниковъ этого времени, наи-

²²⁾ Paus VIII, 31, 4. Относительно Поликлета младшаго см. Brunn, Geschichte der griech. Künstler, I, S. 251; Overbeck, Geschichte der griech. Plastik, S. 357 mit anm. 117.

²³⁾ Overbeck, Zeus, S. 51.

болѣе соприкасались между собой главнѣйшіе представители обѣихъ группъ; съ другой стороны, обращая на себя вниманіе часто тонкое и осмысленное отвлеченіе въ обособленные образы такихъ нравственныхъ свойствъ и психологическихъ аффектовъ, которые въ прежнее время совмѣстно съ другими особенностями служили только для характеристики божествъ болѣе сложнаго типа. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ рѣзко обозначившихся тенденцій во въ произведенія этой эпохи, какъ въ области поэзіи, такъ и въ области пластическихъ искусствъ являются не столько самостоятельными по замыслу созданіями, сколько простыми видоизмѣненіями или скрещиваніями (синкретизмомъ) тѣхъ первоначально выработанныхъ типовъ, неприкосновенность коихъ особенно бережно хранилась художниками прежнихъ поколѣній.

Искать въ этихъ новыхъ и чуждыхъ прежнимъ Эллинамъ образахъ такого же поясненія лежащаго въ ихъ основаніи образа, какое мы замѣчаемъ въ старинныхъ изображеніяхъ и при помощи тѣхъ же средствъ, коими располагали древніе мастера, — на это мы врядъ ли имѣемъ даже право.

Просматривая показанія древнихъ о такихъ смѣшанныхъ типахъ, какимъ былъ, напр., неоднократно упоминаемый ими Зенопосидонъ, или изучая на сохранившихся памятникахъ характеристическія особенности позднѣйшихъ Зевса-Сераписа, Зевса-Аммона ²⁴⁾ или такъ называемаго бакхическаго Аполлона, намъ не трудно убѣдиться, что появленіе ихъ въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ переработкѣ прежнихъ каноническихъ изображеній даже касательно очертаній лица положенныхъ въ ихъ основаніе божескихъ типовъ, для чего Греки этого времени употребляютъ и специальный терминъ τὸ μεταρροδοῦσθαι. Атрибуты же этихъ новыхъ типовъ выбираются еще прихотливѣе, и намъ нѣтъ, поэтому, причины удивляться, если встрѣча на нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого рода такихъ несвойственныхъ Зевсу атрибутовъ, какъ пальма, плющъ и другіе цвѣтовые орнаменты, нисколько не препятствуютъ новѣйшимъ археологамъ причислять таковыя памятники къ изображеніямъ именно этого бога ²⁵⁾.

²⁴⁾ Къ числу такихъ же смѣшанныхъ типовъ можетъ быть отнесенъ, по всей вѣроятности, и упоминаемый у Цицерона (Cic. in Verrem IV, S. 128) образъ такъ называемаго Διὸς Ὀυρίου (Jovis Imperatoris?), цѣнная замѣтка о коемъ можно найти у O. Jahn, Archäologische Aufsätze, S. 31 fг. и у W. Abeken, Annali del Instit. 1839, p. 62. Теперь см. и Overbeck, Zeus, I, S. 219. О близости этого бога съ египтійскимъ Сабазіемъ и отсюда, черезъ Рею и Кибелу, съ греческимъ Вакхомъ ср. предположенія у Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, III, p. 102.

²⁵⁾ См., напр., Overbeck, Zeus, I, S. 142, 228, 286 и т. д. и ср. ibidem, S. 196 (Zeus im Gebüsch) и общую характеристику мифологическаго и художественнаго творчества этой эпохи въ статьѣ Ueber die Epochen der Griechischen Religionsgeschichte у K. B. Stark, Vorträge und Aufsätze aus dem Gebiete der Archäologie u. Kunstgeschichte, 1880. S. 112. fгг.

Если однако подобное смѣшеніе опредѣляющихъ въ искусствѣ природу бога атрибутовъ могло начаться даже въ эпохи, когда художники еще стояли подѣ несомнѣннымъ вліяніемъ старыхъ традицій и школъ, то въ еще болѣе позднее время и на почвѣ Италіи для этого могли существовать и другія причины.

Заимствуя, между прочимъ, различныя религіозныя представленія изъ Греціи или, вѣрнѣе сказать, видоизмѣняя подѣ ихъ вліяніемъ небольшое количество сельскихъ или лѣсныхъ божествъ, первоначально являвшихся единственными представителями ихъ несложной мифологіи, Италики, конечно, не могли внести съ своей стороны въ художественное воспроизведеніе этихъ чуждыхъ имъ образовъ того тонкаго пониманія ихъ природы и свойствъ, которое присуще было племенамъ, впервые создававшимъ эти образы. Отыскать въ постоянно измѣнявшихся пластическихъ изображеніяхъ этихъ божествъ на римской почвѣ какое либо постоянство или извѣстную послѣдовательность въ развитіи того или другаго типа — представляется уже по этому одному до крайности затруднительнымъ. Что же касается атрибутовъ, то они, какъ и слѣдовало ожидать съ самаго начала, подвергаются здѣсь такому произвольному примѣненію, что Овербекъ, напримѣръ, подходя въ различныхъ частяхъ своей монографіи къ этой эпохѣ, рѣшительно отказывается отъ классифицированія этихъ атрибутовъ, справедливо замѣчая, что каждый отдѣльный памятникъ въ длинномъ родѣ произведеній этого времени требуетъ и особаго истолкованія.

Затѣмъ во всѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ типомъ римскаго Юпитера и его пластическимъ изображеніемъ въ формѣ греческаго Зевса, не надо упускать изъ вида и того обстоятельства, что въ общемъ генезисѣ италійскаго политеизма представляется, повидимому, въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ таковой же генезисъ политеизма греческаго. Какъ очень вѣрно замѣчаетъ въ указанной выше статьѣ о Сильванѣ и Фавнѣ Рейфершейдъ²⁶⁾, понятіе о высшемъ богѣ италійскихъ племенъ не только примѣшивается въ качествѣ прозвища ко всевозможнымъ божествамъ, почитавшимся въ различныхъ мѣстностяхъ Апеннинскаго полуострова, но до извѣстной степени божества эти смѣшиваются съ нимъ и по самому существу своему, такъ какъ каждое изъ нихъ является какъ бы абстракціей одного изъ его свойствъ, изъ совокупности которыхъ первоначально слагалось италійское о немъ представленіе. Названія, которыя въ различныхъ случаяхъ придаются этому Юпитеру, Jupiter Liber или Libertas, Jupiter Juventas, J. Clitumnus, J. Ruminus, J. Terminus и т. д., оборотвореніе даже Энея и Латина подѣ названіями Jupiter Indiges и Jupiter

²⁶⁾ Annali del Inst. vol. XXVIII, p. 216.

Latiaris ²⁷⁾ и наконец эпитетъ Jovius, который уже въ древнѣйшихъ надписяхъ встрѣчается при именахъ Геракла и Венеры—всѣ они являются, дѣйствительно, не простой случайностью богослужебнаго языка Италиковъ, но они, быть можетъ, указываютъ на извѣстную монотеистическую струю въ римской религiи, которая по самому существу роднила каждое изъ названныхъ божествъ съ италійскимъ Юпитеромъ и каждое изъ нихъ позволяла разсматривать только какъ отдѣльную его разновидность ²⁸⁾.

Припомнимъ себѣ вліяніе, которое должны были оказывать на пластическое искусство этой эпохи обѣ названные причины, т. е. не всегда ясное пониманіе греческихъ типовъ и смѣшеніе представленія о Юпитерѣ съ цѣлымъ рядомъ божествъ совершенно иного характера, и мы, мнѣ кажется, безъ особеннаго труда станемъ понимать, почему съ одной стороны Италійскія племена безъ колебанія копировали, какъ каноническіе, такіе типы, которые могли появляться въ Греціи подъ вліяніемъ какихъ либо мѣстныхъ сказаній и вѣрованій (какъ то мы можемъ видѣть на примѣрѣ мегалопольскаго Зевса-Филія или аркадскаго же Діопана), и почему, съ другой стороны, они и по собственному почину снабжали изображенія, прототипъ коихъ заимствованъ былъ ими изъ Греціи, такими атрибутами, которые первоначально ничего общаго съ этими изображеніями не имѣли.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о типахъ этого позднѣйшаго времени, будетъ, слѣдовательно, методической ошибкой класть въ основаніе экзегезы одни приданные статуѣ атрибуты. Очертанія лица, направленіе глазъ и обработка волосъ или бороды даютъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе надежныя указанія и они то, какъ я уже неоднократно указывалъ, постоянно приводятъ насъ къ убѣжденію, что въ нашемъ бюстѣ мы имѣемъ дѣло именно съ изображеніемъ Зевса или Юпитера. Что же касается до необычнаго вѣнка, украшающаго въ данномъ случаѣ его голову, то этотъ атрибутъ, судя по аналогичнымъ примѣрамъ ²⁹⁾, надо

---

²⁷⁾ Такимъ же смѣшеніемъ понятій слѣдуетъ, кажется, объяснять и эпитетъ Pater, придаваемый, напр., Сильвану у Horat. Epod. II. 21:

. . . . . et tu Pater
Silvane, tutor finium.

²⁸⁾ Впрочемъ, что подобное же присоединеніе имени Зевса къ названіямъ весьма разнообразныхъ божествъ, но крайней мѣрѣ, въ культурахъ позднѣйшаго времени сдѣлалось возможнымъ и на чисто греческой почвѣ доказываютъ любопытные примѣры, собранные Велькеромъ (Welcker, Griechische Götterlehre II, S. 214).

²⁹⁾ Ср. напр. изображенія такъ называемаго Jupiter Anxur или Anxurus на монетахъ рода Вибіевъ и замѣчанія, по поводу смѣшенія какъ этого Юпитера, такъ и родственнаго ему образовъ съ Аполлономъ (или Гелиосомъ?), у Preller, Studien zur römischen Mythologie (2) въ Ausgewählte Aufsätze aus dem Gebiete der class. Alterthumswissenschaft, herangegeben von K. Köhler, S. 274, fg.

считать перенесеннымъ на Зевса изъ какого нибудь иного культа, по чему либо соприкасавшагося съ культомъ главнаго бога греко-италійской мифологіи. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы уяснить себѣ, подъ вліяніемъ какихъ представленій могло состояться такое перенесеніе.

При слабomъ распространеніи въ Италіи культовъ Посидона и Асклеіа и при незначительной, сравнительно, роли, которую играетъ въ этихъ культахъ сосна и пинія, я полагаю мы можемъ отважиться на утвержденіе, что отыскивать происхожденіе этого орнамента мы должны прежде всего въ культахъ на римской почвѣ особенно охотно сближаемыхъ съ Юпитеромъ лѣсныхъ божествъ и Діониса. И хотя высказываться окончательно за одну изъ этихъ представляющихся при истолкованіи памятника возможностей будетъ, за не имѣніемъ вполнѣ тождественныхъ произведеній, нѣсколько рискованно, но я думаю, что въ пользу заимствованія нашего вѣлика изъ культа Діониса, помимо отсутствія характеристическихъ для лѣсныхъ боговъ измѣненій въ самомъ ликѣ бога, могутъ говорить еще слѣдующія соображенія.

Какъ извѣстно, отдѣльнаго божества, покровителя винодѣлія, для котораго Греки съ теченіемъ времени выработали особаго представителя, сына Зевса, Діониса, — Римляне не имѣли. Когда поэтому въ 14 году Римской республики, вскорѣ послѣ изгнанія Тарквиніевъ, въ Римѣ, по случаю войны съ Порсенной, чувствовался сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и когда, по указанію Сивиллиныхъ книгъ, Римлянамъ понадобилось учредить у себя новый культъ для божествъ, покровительствующихъ земледѣлію и связанной съ нимъ культурѣ вина, они сочли наиболѣе удобнымъ обратиться на югъ Италіи, къ издавна перенесенному туда культу Элевсинскихъ божествъ, для заимствованія того, въ чемъ они въ данную минуту чувствовали недостатокъ. При этомъ всѣ подробности этого вновь введеннаго въ Римѣ богослуженія были заимствованы, по показанію Цицерона³⁰⁾, изъ Греціи (*adsumpta de Graecia*); даже отправлялось оно до позднѣйшаго времени при помощи греческихъ священнослужителей (*per graecos semper sunt curata sacerdotes*). Какъ показываютъ однако приданныя греческимъ Діонису и Персефонѣ латинскія названія Либера и Либеры, до извѣстной степени культъ этотъ могъ примкнуть къ мѣстнымъ Италійскимъ священнодѣйствіямъ, такъ что его можно было дополнить такими подробностями и связать съ такими обрядами, которые и въ Италіи издавна наблюдались при сборѣ и выжимкѣ винограда. Дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ всѣ показанія древнихъ писателей, собственно Юпитеръ Либеръ (иначе *Jupiter Libertas*) былъ однимъ изъ древнѣйшихъ

³⁰⁾ Cic. pro Balbo 24. 35.

италійскихъ божествъ, культъ котораго, одинаково распространенный во всѣхъ частяхъ Италіи, хорошо засвидѣльствованъ и на Югѣ и на Востокѣ, въ мѣстностяхъ, занятыхъ осскими племенами, и на Западѣ, въ Лациумѣ и Римѣ, въ которомъ этому Юпитеру, между прочимъ, еще Августомъ выстроено было новое святилище³¹⁾. И какъ ни часто онъ позднѣе смѣшивался въ культѣ съ Либеромъ, т. е. греческимъ Діонисомъ, однако участіе въ богослуженіи, отправляемомъ въ честь его, жреца, извѣстнаго подъ именемъ *Flamen Dialis* и первенствующее мѣсто, которое этотъ Юпитеръ продолжалъ занимать въ обрядахъ, сопровождающихъ въ Италіи сборъ винограда, указываютъ на древность его въ этихъ мѣстностяхъ и на первоначально италійскую основу его культа. Въ остальномъ культы обоихъ божествъ являются крайне близкими и, какъ предполагаютъ, именно этой близостью между культурами полу-греческаго Либера и чисто-римскаго Юпитера Либера объясняется то обстоятельство, почему культъ перваго изъ нихъ никогда не принималъ на почвѣ Италіи того мистическаго оттѣнка, который въ связи съ Деметрой и Персефоной, обыкновенно принимаетъ у Грековъ культъ Діониса. Отсюда же, по всей вѣроятности, идетъ и родственная связь, въ которую онъ ставится въ культѣ съ Сильваномъ³²⁾ и наконецъ, благодаря этому, дѣлается понятнымъ, почему онъ является у Италиковъ и въ качествѣ покровителя гражданской общины и въ качествѣ домоваго генія, обстоятельство, которое въ свою очередь служитъ причиной частаго помѣщенія его въ нишахъ на городскихъ площадяхъ и въ домашнихъ божницахъ частныхъ жилищъ.

Что по природѣ своей этотъ *Jupiter Liber* или *Liber pater* представлялся родственнымъ греческому Зевсу, на это указаніемъ служитъ хотя бы названіе *Ζεὺς Ἐλευθέριος*, которымъ обозначается это божество на памятникахъ, гдѣ природа эта характеризуется въ греческомъ переводѣ; доказательство же тому, что въ пластическихъ изображеніяхъ на него уже рано стали переносить черты греческаго Зевса, видно, напр., изъ стариннаго типа этого бога, сохранившагося на гирѣ съ осской надписью, воспроизведенной теперь въ сборникѣ осскихъ памятниковъ Н. В. Цвѣтаева³³⁾. А что къ числу атрибутовъ его могла принадлежать и пинія, на это указываетъ не только близость его съ греческимъ Діони-

---

³¹⁾ Свидѣнія объ этомъ мы имеемъ въ такъ наз. *Monumentum Ancyranum* (*Res gestae divi Augusti*), гдѣ названіе его по гречески переводится характеристическимъ терминомъ *Ζεὺς Ἐλευθέριος*.

³²⁾ Preller, *Römische Mythologie*, 1 Auflage, S. 443.

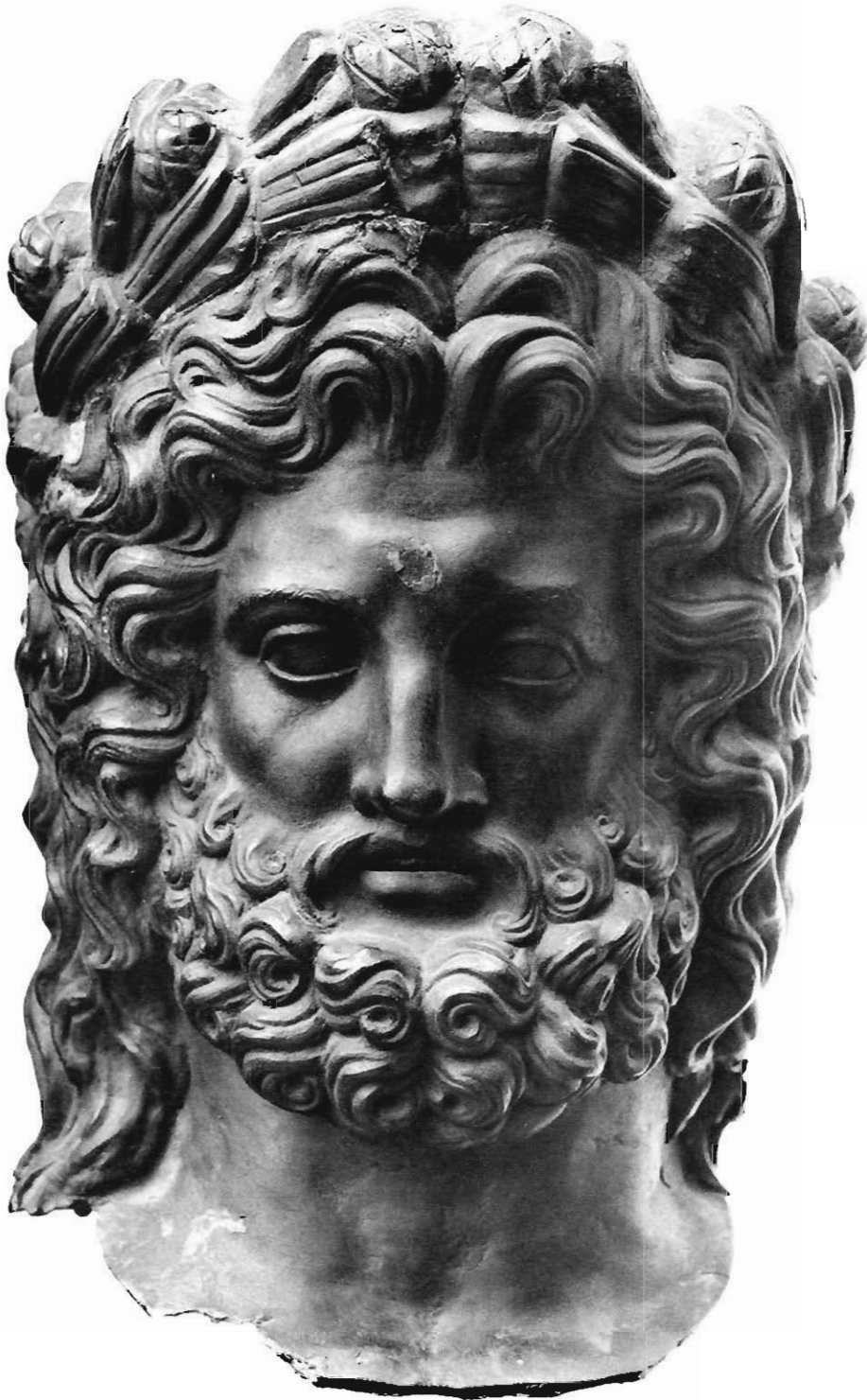
³³⁾ J. Zwetaieff, *Sylloge Inscriptionum Oscanarum*, pars posterior, (tab. I, 2-a. Надпись, значащаяся на гирѣ: *Juveis Iuvfreis* (*Jovis liberi*, ср. *ibid.* pars prior, p. 2), не оставляетъ сомнѣнія въ имѣющемъ въ виду божествѣ. Ср. Mommsen, *Unteritalische Dialekte*, S. 140. tab. VII.

сомъ и римскимъ Сильваномъ, но и та роль, которую въ культѣ латинизированнаго Либера играетъ это дерево и символическій обычай именно на вѣтви его, во время справляемыхъ въ честь Либера празднествъ, вѣшать такъ называемая *oscilla* ³⁴).

Вотъ именно въ области этихъ смѣшанныхъ, полу-греческихъ и полуримскихъ представленій можно, какъ мнѣ кажется, искать объясненіе и тому рѣдкому, во всякомъ случаѣ, украшенію, которое мы находимъ на нашемъ бюстѣ приданнымъ несомнѣнно съ чертами Зевса изображенному богу. Къ какому времени относится происхожденіе этого образа, когда приданъ ему этотъ атрибутъ и составляетъ ли нашъ бюстъ копию съ соответствующаго римскимъ воззрѣніямъ греческаго образца или онъ чисто римское измышленіе—отвѣтитъ на эти вопросы, за недостаткомъ другихъ, подходящихъ къ нему, и притомъ болѣе ясныхъ памятниковъ. конечно, мудрено ³⁵); думаю однако, что въ качествѣ связующаго звена между чисто греческими изображеніями бога и тѣми римскими переработками типа Зевса, которыя дали возможность художникамъ съ теченіемъ времени перенести черты его даже на образы Фавновъ и Сильвановъ, состоящихъ съ нимъ все же въ самомъ отдаленномъ родствѣ и, вообще, для исторіи усвоенія греческихъ типовъ со стороны Италійскихъ племенъ бюстъ нашъ имѣетъ весьма важное значеніе; а имъ, какъ мнѣ кажется, прежде всего опредѣляется и высокая археологическая цѣнность памятника.

³⁴) Verg. Georg. II, 388—392. О роли, которую при этомъ играетъ пивія см. Hartung, Religion und Mythologie des Griechen IV, S. 42.

³⁵) Скорѣе всего, конечно, слѣдуетъ думать, что такое перенесеніе на Зевса чуждаго его культу на греческой почвѣ атрибута совершалось уже подъ влияніемъ италійскихъ воззрѣній, въ которыхъ, какъ мы то старались показать, сопряженія культовъ Юпитера, Либера и лавныхъ божество были особенно ясно выражены. Что однако в греческой мифологіи не были совершенно чужды подобныя сближенія и что въ ней точно также Зевсъ часто являлся на памятникахъ съ атрибутами, заимствованными отъ Вакха, нося подчасъ даже характеристическія наименованія въ родѣ *Ζεὺς Ζόυυξος* (= *Διόυυξος* на Лесбосѣ), *Ζεὺς Βάχχιος* (въ Пергамѣ) и т. д.—это, между прочимъ, видно изъ различныхъ указаній, поставленныхъ у Валькера (ср. особенно въ его Griechische Götterlehre II, стр. 202 слѣд. и въ отдѣлѣ о Критскомъ Зевсѣ, тамъ же, стр. 216 слѣд.). Въ особенности въ геленистическую эпоху, когда подъ аттическимъ влияніемъ культъ Діониса получаетъ особенно широкое развитіе и проникаетъ во всякіе культы, перенесеніе атрибутовъ Вакха на другія божества точно также не должно считаться чѣмъ-либо явнымъ необычайнымъ или неожиданнымъ. Но какимъ-либо случайнымъ причинамъ типъ этотъ могъ слѣдовательно возникнуть уже на греческой почвѣ.

ДРЕВНИЙ БРОНЗОВЫЙ БЮСТЪ

изъ собранія графа А. С. УВАРОВА.

(Въ 1/2 величины.)

